

1. Идиллии, ориентированные на инвариант

* Тексты, реализующие основные жанрообразующие свойства стихотворной идиллии

* * *

А счастье — это купить обои, иметь семью, запастись терпением.

А счастье — это на кухне двое, пьют чай и мажут на хлеб варенье.

А счастье — это не Рим и Куба, не куча шмоток, не развлеченье.

А счастье — слишком родные губы, уютный домик и чай с печеньем.

А. Болотская

Осташево

Люблю тебя, приют уединенный!
Старинный дом над тихою рекой
И бело-розовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями.

Люблю забраться в лес, поглубже в тень;
Там, после солнцем залитого сада,
Засушным летом, в яркий знойный день
И тишина, и сумрак, и прохлада...
Люблю присесть на мхом обросший пенек:
Среди зеленой тьмы что за отрада,
Когда в глаза сверкнет из-за деревьев
Река, зеркальной гладью заблестев!

Под ельника мохнатыми ветвями
Таинственный, суровый полумрак.
Ковер опавшей хвои под ногами;
Она мягка и заглушает шаг.
А дальше манит белыми стволами
К себе веселый, светлый березняк
С кудрявою, сквозистою листвою
И сочною, росистою травкою.

Схожу в овраг. Оттуда вверх ведет
Ступенями тропа на холм лесистый;
Над нею старых елей мрачный свод
Навис, непроницаемый, ветвистый,
И потайной пробился в чаще ход.
Там аромат обдаст меня смолистый.
В густой тени алеет мухомор
И белый гриб украдкой дразнит взор.

Другой овраг. Вот мост желтеет новый.
С него взберусь опять на холм другой,
И прихожу, минуя бор сосновый,
К ответному обрыву над рекой.
Мне видны здесь: отлив ее свинцовый,
Далекий бег и заворот крутой,
Простор, и гладь, и ширь, и зелень луга
Прибрежного напротив полукруга.

А вдалеке на берегу наш дом
С колоннами, классическим фронтоном,
Широкой лестницей перед крыльцом,
Двумя рядами окон и балконом.
— Смеркается. Малиновым огнем
Река горит под алым небосклоном.
Уж огонек между колонн в окне
Из комнаты моей сияет мне.

Домой, где ждет пленительный, любимый
За письменным столом вседневный труд!
Домой, где мир царит невозмутимый,
Где тишина, и отдых, и уют!
Лишь маятник стучит неутомимый,
Твердя, что слишком скоро дни бегут...
О, как душа полна благодаренья
Судьбе за благодать уединенья!

*К. Р. (К. Романов)
20 августа 1910*

Аркадия

Ключ громит на дне теснины,
Тень широкая сползла
От горы до половины
Белознойного русла.

Истекают, тают сосны
Разогретою смолой,
И зиждитель скиптроносный
Дышит сладостною мглой.
Пастухи его видали:
Он покоится в тени,
И раскинуты сандалий
Запыленные ремни.
Золотою скользкой броней,
Хвоей, устлана гора —
И тяжка от благовоний
Сосен темная жара.

И. Бунин

* * *

Роса, при бледно-розовом огне
Далекого востока, золотится.
В степи сидит пастушка па копне.
В степи рассвет, в степи роса дымится.

День впереди, столь радостный для нас,
А сзади ночь, похожая на тучу.
Спят пастухи. Бараны сбились в кучу,
Сверкая янтарями спящих глаз.

И. Бунин

Пахарь

Легко и бледно небо голубое,
Поля в весенней дымке. Влажный пар
Взрезаю я — и лезут на подвои
Пласты земли, бесценный божий дар.

По борозде спеша за сошниками,
Я оставляю мягкие следы —
Так хорошо разутыми ногами
Ступать на бархат теплой борозды!

В лилово-синем море чернозема
Затерян я. И далеко за мной,
Где тусклый блеск лежит на кровле дома,
Струится первый зной.

И. Бунин
1903–1906

Бог полдня

Я черных коз пасла с меньшей сестрой
Меж красных скал, колючих трав и глины.
Залив был син. И камни, грея спины,
На жарком солнце спали под горой.

Я прилегла в сухую тень маслины
С корявой серебристою корой —
И он сошел, как мух звенящих рой,
Как свет сквозной горячей паутины.

Он озарил мне ноги. Обнажил
Их до колен. На серебре рубашки
Горел огнем. И навзничь положил.

Его объятья сладостны и тяжки.
Он мне сосцы загаром окружил
И научил варить настой ромашки.

И. Бунин

Буколики

Многое лучше всего совершается ночью прохладной
Или когда на заре росится земля под Денницей.

Вергилий. «Георгики»

Хозяйка опару в овчинную кутает шубу,
Высокие сосны скрипят на заснеженных кручах,
Незримый родник замирает в хрустальных чертогах,
А малые дети в домишках, подобно гороху,
На теплых полатях витают в объятьях Морфея...

Озимые спят, повинуюсь законам природы,
Мышиные пары живут под стерней, размножаясь,
В овчарне — ягненок пытается встать на колени,
Матерый подсвинок — мечтает о сладкой подруге;

Голодной волчице — приснилась покорная жертва,
Медведице бурой — поляна лесной земляники,
Дородной крольчихе — кочан белоснежной капусты,
Пчеле медоносной — цветущие травы июля,

Жеребой кобыле — весенняя встреча с красавцем,
Приятное бремя его потрясающей плоти,
Теленку — тугое и сладкое вымя коровы,
А ей — бесконечное поле зеленой люцерны,

Которую острой косой мужики подсекают,
Поднявшись с завидной охоткой еще до рассвета,
Успев по росе завершить основную работу,
Проделав по лугу с десяток заглавных прокосов...

Чуть солнце в зените, садятся в тени пообедать,
Достав из тряпиц и кошелок домашнего хлеба,
С десяток куриных яиц и зеленого лука,
Смакуя все это то квасом холодным, то солью,

А после — свистульки строгать конопатым мальчишкам,
Рубахи от пота сушить, покурив, балагурить,
Лапту вспоминая, далекого детства качели,
Весною взлетающих к небу до самого солнца,
Цветные платки и нарядные кофты красавиц,
Сердечный озноб от внезапного прикосновенья...
На волнах незримых в приятные сны уплывая,
Оставив воронам, сорокам да юрким полевкам
Лишь жалкие крохи от щедрого пира земного...

А. Егоров

* * *

Кофейник, сахарница, блюдца,
Пять чашек с узкою каймой
Но голубом подносе жмутся,
И внятн их рассказ немой:

Сначала — тоненькою кистью
Искусный мастер от руки,
Чтоб фон казался золотистой,
Чертил кармином завитки.

И щеки пухлые румянил,
Ресницы наводил слегка
Амуру, что стрелюю ранил
Испуганного пастушка.

И вот уже омыты чашки
Горячей черною струей.
За кофеом играет в шашки
Сановник важный и седой,

Иль дама, улыбаясь тонко,
Жеманно потчует друзей,
Меж тем как умная болонка
На задних лапках — служит ей.

О, столько губ и рук касалось,
Причудливые чашки — вас,
Над живописью улыбалось
Изысканною — столько глаз.

И всех и всех давно забытых
Взяла безмолвия страна,
И даже на могильных плитах,
Пожалуй, стерты имена.

А на кофейнике пастушки
По-прежнему плетут венки,
Пасутся овцы на опушке,
Ныряют в небо голубки;

Амур не изменяет позы,
И заплели со всех сторон —
Неувядающие розы
Антуанетты медальон.

*Г. Иванов
1914–1915*

Мечтательный пастух

Пролог

Мне тело греет шкура тигровая,
Мне светит нежности звезда.
Я, гимны томные наигрывая,
Пасу мечтательно стада.

Когда Диана станет матовою
И сумрак утренне-глубок,

Мечтою бережно разматываю
Воспоминания клубок.

Иду тогда тропинкой узенькою
К реке, где шепчут тростники,
И, очарован сладкой музыкою,
Плету любовные венки.

И, засыпая, вижу пламенные
Сверканья гаснущей зари...
В пруды, платанами обрамленные,
Луна роняет янтари.

И чьи-то губы целомудренные
Меня волнуют слаще роз...
И чьи-то волосы напудренные
Моих касаются волос...

Проснусь — в росе вся шкура тигровая,
Шуршит тростник, мычат стада...
И снова гимны я наигрываю
Тебе, тебе, моя звезда!

Г. Иванов

Ваза с фруктами

Тяжелый виноград, и яблоки, и сливы —
Их очертания отчетливо нежны —
Все оттушеваны старательно отливы,
Все жилки тонкие под кожицей видны.

Над грушами лежит разрезанная дыня,
Гранаты смуглые сгрудились перед ней;
Огромный ананас кичливо посредине
Венчает вазу всю короною своей.

Ту вазу, вьющимся украшенную хмелем,
Ваяла эллина живая простота:
Лишь у подножия к пастушеским свирелям
Прижаты мальчиков спокойные уста.

Г. Иванов

* * *

Вновь с тобою рядом лежа,
Я вдыхаю нежный запах
Тела, пахнущего морем
И миндальным молоком.

Вновь с тобою рядом лежа,
С легким головокруженьем
Я заглядываю в очи,
Зеленой морской воды.

Влажные целую губы,
Теплую целую кожу,
И глаза мои ослепли
В темном золоте волос.

Словно я лежу, обласкан
Рыжими лучами солнца,
На морском песке, и ветер
Пахнет горьким миндалем.

Г. Иванов

Роза

Я в мире этом
Цвету и вяну,
Вечерним светом
Я скоро стану.

Дохну приветом
Полям и водам,
Прохладным летом,
Пчелиным медом.

И ты, прохожий,
Звался поэтом.
А будешь тоже
Вечерним светом.

Над тихим садом
Под ветром юга
Мы будем рядом,
Забыв друг друга.

Г. Иванов
1922

Жить чудесно

Жить чудесно! Подумай:
Утром рано с песнями
Тебя разбудят птицы —
О, не жалея невиденного сна —
И вытащат взглянуть
На розовое солнечное утро.
Радуйся! Оно для тебя!
Свежими глазами
Взгляни на луг, взгляни!
Огни! Блестят огни!
Как радужно! Легко.
Туманом розовым
Вздыхни. Еще вздохни,
Взгляни на кроткие слезинки
Детей-цветов.
Ты — эти слезы назови:
Росинки-радостинки!
И улыбнись им ясным
Утренним приветом.
Радуйся! они для тебя.
Жить чудесно! Подумай:
В жаркий полдень
Тебя позовут гостить
Лесные тени.
На добрые, протянутые
Чернолапы садись, и обними
Шершавый ствол, как мать.
Пить захочешь —
Тут журчеек чурлит —
Ты только наклонись.
Радуйся! Он для тебя.
Жить чудесно! Подумай:
Вечерняя тихая ласка,
Как любимая сказка,
Усадит тебя на крутой бережок.
Посмотри, как дружок
За дружочком отразились
Грусточки в воде.
И кивают. Кому?
Может быть, бороде,
Что трясется в зеленой воде.

Тихо-грустно. Только шепчут
Нежные тайны свои
Шелесточки-листочки.
Жить чудесно! Подумай:
Теплая ночь развернет
Пред тобой синетемную глубь
И зажжет в этой глуби
Симецветные звезды.
Ты долго смотри на них.
Долго смотри.
Они поднимут к себе,
Как подружку звезду, —
Твою вольную душу.
Они принесут тебе
Желанный сон — о возлюбленной.
И споют звездным хором:
Радуйся! Жизнь для тебя.

В. Каменский
1909

Глушь

Луг, болото, поле, поле,
Над речонкой ивы.
Сладко дышится на воле!
Все цветы красивы!

Все здесь нежит глаз и ухо
Ласкою веселой.
Прожужжала где-то муха,
Шмель гудит тяжелый.

Всюду — божие коровки,
Розовые кашки,
Желто-белые головки
Полевой ромашки.

Нежно-тонки очертанья
Задремавшей дали...
Полно, разве есть страданья?
Разве есть печали?

К. Бальмонт

* * *

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

А. Ахматова
1913

На острове

Над этим островом какие выси,
Какой туман!
И Апокалипсис был здесь написан,
И умер Пан!
А есть другие: с пальмами, с лугами,
Где весел жнец,
И где позванивают бубенцами
Стада овец.
И скрипку, дивно выгнутую, в руки,
Едва дыша,
Я взял и слушал, как бежала в звуки
Ее душа.
Ах, это только чары, что судьбою
Я побежден,
Что ночью звездный дождь над головою,
И стон, и звон.
Вольный, снова верящий удачам,
Я — тот, я в том.
Целую девушку с лицом горячим
И с жадным ртом.
Прерывных слов, объятий перемены
Томят и жгут,
А милые нас обступили стены

И стерегут.
Как содрогается она — в улыбке
Какой вопрос!
Увы, иль это только стоны скрипки
Под взором звезд.

Н. Гумилев

Детство

Я ребенком любил большие,
Медом пахнувшие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!»

Только дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру, —
Сердце билось еще блаженней,
И я верил, что я умру

Не один, — с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом,
И за дальними небесами
Догадаюсь вдруг обо всем.

Я за то и люблю затеи
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

Н. Гумилев

* * *

Близ одинокой избушки
Молча глядим в небеса.
Глупые стонут лягушки,
Мочит нам платье роса.

Все отсырели дороги, —
Ты не бойшься ничуть

И загорелые ноги
Так и не хочешь обусть.

Сердце торопится биться, —
Твой ожидающий взгляд
Рад бы ко мне обратиться,
Я ожиданию рад.

Ф. Сологуб

* * *

Я уведу тебя далеко
От шумных, тесных городов,
Где в многолюдстве одиноко,
Где рабство низменных трудов.

Уйдем к долине безмятежной
На берега пустынных вод,
Когда свершится неизбежной
Звезды таинственный восход.

И там на берегу потока,
Под легкий лепет камыша,
От темной суеты далеко,
Прохладой свежую дыша,

Там, на путях очарованья
В безмолвный час поймешь и ты
Неотразимые призыванья
Миры объемлющей мечты.

Ф. Сологуб

* * *

От курослепов на полях
До ярко-знойного светила
В движеньях, звуках и цветах
Царит зиждительная сила.

Как мне не чувствовать ее
И по холмам, и по оврагам!
Земное бытие мое
Она венчает злом и благом.

Волной в ручье моем звеня,
Лаская радостное тело,
Она несет, несет меня,
Ее стремленьям нет предела.

Проснулся день, ликует твердь,
В лесу подружку птица кличет.
О, сила дивная, и смерть
Твоих причуд не ограничит!

Ф. Сологуб

* * *

Она зарей ко мне пришла, —
Взглянула, засияла, —
Лаская нежно, обняла
И долго целовала.

И повела потом она
Меня из дома рано,
Едва была озарена
Туманная поляна.

И все пред нею расцвело,
И солнце восходило,
И неожиданно светло
И весело мне было.

Она показывала мне
На небе и в долине,
Чего я даже и во сне
Не видывал доныне.

И улыбаясь, и дивясь,
Она ко мне склонилась.
Заря в лице моем зажглась,
И сердце быстро билось.

Ее созвучные слова
Мне слушать было ново.
Шептали что-то мне трава,
И воздух, и дуброва.

Ручьи у ног моих текли
И звучно лепетали,
И вихри пыльные вдали
Кружились и плясали.

И весь лежащий предо мной
Под солнцем круг огромный
Едва лишь только пред зарей
Возник из ночи темной.

Приди опять ко мне скорей!
Ты мне всего желанней.
В просторы новые полей
Веди порою ранней,

Чтобы опять увидеть мне
На небе и в долине,
Чего в окрестной стороне
Я не видал доныне.

Ф. Сологуб

* * *

Любовью легкою играя
Мы обрели блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшего, чем Божий рай.

Лаская тоненькие руки
И ноги милые твои,
Я изнывал от сладкой муки,
Какой не знали соловьи.

С тобою на лугу несмятом
Целуясь в тени берез,
Я упивался ароматом,
Благоуханней алых роз.

Резвей веселого ребенка,
С невинной нежностью очей,
Ты лепетала звонко-звонко,
Как не лепечет и ручей.

Любовью легкою играя,
Вошли мы только в первый рай:
То не вино текло играя,
То пена била через край,

И два глубокие бокала
Из тонко-звонкого стекла
Ты к светлой чаше подставляла
И пену сладкую лила,

Лила, лила, лила, качала
Два тельно-алые стекла.
Белей лилей, алее лала
Бела была ты и ала.

И в звонах ласково-кристальных
Отраву сладкую тая,
Была милее дев лобзальных
Ты, смерть отрадная моя!

Ф. Сологуб

Утешные ночи

В прозрачной тьме прохладный воздух дышит,
Вода кругом, но берег недалек,
Вода челнок едва-едва колышет
И тихо зыблет легкий поплавок.

Я — тот, кто рыбу ночью тихо удит
На озере, обласканном луной.
Мне дрозд поет. С чего распелся? Будит
Его луна? Иль кто-нибудь иной?

Смотрю вокруг. Как весело! Как ясно!
И берег, и вода, — луне и мне
Все улыбается, и все прекрасно.
Да уж и мне не спеть ли в тишине?

Ф. Сологуб

22 июня 1914 года

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru